
ВАЛЕНТИН ВОРОБЬЕВ

ЗВАНИЕ АДМИРАЛА

*Памяти адмирала флота Советского Союза
Николая Герасимовича Кузнецова*

Двадцать лет тому назад, в июле 1988 года, была восстановлена историческая справедливость в отношении одного из тех людей, благодаря которым мы победили в Великой Отечественной войне, чья судьба была неразрывно связана с историей русской военной славы, славы русских моряков. Речь идёт о народном комиссаре Военно-Морского флота СССР в предвоенные и военные годы Николае Герасимовиче Кузнецове. Ему постановлением Президиума Верховного Совета СССР посмертно было возвращено несправедливо отнятое у него при жизни звание адмирала флота Советского Союза.

Судьба этого удивительного человека – это одна из тех невероятных русских судеб, в которые трудно поверить. Сам Николай Герасимович грустно констатировал в своих воспоминаниях, что его судьбе было угодно “то поднимать меня высоко, то кидать вниз и принуждать начинать службу сначала. Доказательством этого является буквально уникальное изменение в моих званиях. За все годы службы я был дважды контр-адмиралом, трижды вице-адмиралом, носил четыре звезды на погонах адмирала флота и имел самое высшее воинское звание на флоте – адмирал флота Советского Союза”. Но лишился его, прибавлю я, а вот почему это произошло, об этом мой рассказ.

Однако начать его я хочу не с печальных событий в жизни адмирала, а с другого. Нередко бывает так: прослужит моряк всю свою жизнь на флоте, будь он хоть простой матрос, хоть офицер, а командующего или начальника штаба ни разу не увидит. Да что там командующего – командира соединения видеть не доведётся. Вот в первом послевоенном году я служил рулевым-сигнальщиком в 10-м Краснознамённом дивизионе катеров-тральщиков. Штаб

ВОРОБЬЁВ Валентин Петрович родился 20 марта 1926 года в деревне Бородинской Юрьевоцкого района Ивановской области. В 17 лет стал военным моряком, матросом Балтийского флота. Участник войны. Прошёл путь от матроса и курсанта до капитана 1-го ранга. В 1950 году окончил отделение журналистики Военно-морского политического училища им. Жданова в Ленинграде. Работал редактором военно-морской газеты. В 1957 году окончил Военно-политическую академию им. Ленина в Москве, служил на Тихоокеанском флоте в газете флота, затем замполитом на подводной лодке, принимал участие в автономном дальнем походе. С 1969 по 1982 годы — редактор “Военно-исторического журнала” в Москве. С 1982 года, находясь в отставке, работал научным редактором журнала “Морской сборник”. Сейчас на пенсии. Живёт в Москве.

и политотдел нашего дивизиона находились в Ораниенбауме, а мы тралили, очищали от мин Ладожское озеро. А потом “пахали” (тральщиков называют “пахарями моря”) Финский залив. Базировались же в Усть-Луге. В те годы я не только командующего Балтийским флотом адмирала В. Ф. Трибуца не видел, но даже командующего нашей бригады капитана 1-го ранга Н. Н. Амелько видеть не пришлось. Не снисходили до нас, простых моряков, эти большие начальники. Правда, оговорюсь, что с адмиралом Николаем Николаевичем Амелько я встречался потом, значительно позже, когда работал в “Военно-историческом журнале”, а адмирал писал статьи для нашего журнала.

А вот с Николаем Герасимовичем Кузнецовым мне посчастливилось встречаться несколько раз. Впервые неожиданно увидел адмирала флота в 1947 году, когда я, старший матрос, поступил на учёбу в Военно-морское политическое училище. Находилось оно в Ленинграде, на Малой Охте, на правом берегу Невы, почти напротив Смольного. Помню, это был торжественный день вручения дипломов и кортиков молодым офицерам – выпускникам училища. Вручал их лично адмирал флота Н. Г. Кузнецов. Что-то располагающее, доверительное было в поведении Николая Герасимовича: держался он не как начальник, а как старший товарищ. Адмирал флота вёл душевный разговор о нашем быте, учёбе, интересовался, какие у нас планы, мечты, говорил о будущем флота... Эта встреча произвела на нас, тогдашних курсантов-первокурсников, огромное впечатление, возможно, определила судьбу многих моих друзей. Назову лишь некоторых из них: вице-адмирал Николай Дьяконский, Рудольф Лихвоних, Иван Аликов, Сергей Варгин. Каждый из них впоследствии был членом Военных советов флотов. Несомненно, та сердечная беседа Н. Г. Кузнецова в 1947 году повлияла на их судьбу. Да разве только на их судьбу! Всех ведь не перечислить.

В 1947 году адмиралу флота Кузнецову было всего лишь 43 года. Это так, хотя, по данным Военной энциклопедии, Кузнецов Н. Г. родился 11 (24) июля 1902 года в деревне Медведки ныне Котласского района Архангельской области в семье крестьян Герасима Фёдоровича и Анны Ивановны Кузнецовых, а в 1919 году, когда на севере России бушевала Гражданская война, Мурманск и Архангельск были заняты иностранными интервентами, молодой паренёк добровольцем поступил на службу в Красную Армию в Северо-Двинскую военную флотилию. Стал военмором, как говорили тогда. Но вот уже в пятидесятые годы XX века, после увольнения в запас, Николай Герасимович написал: “Мне не пришлось менять профессию в поисках дела, которое оказалось бы больше по душе. Вся моя жизнь связана с Военно-морским флотом. Я сделал выбор однажды, **в совсем юные годы**, и никогда не жалел об этом”.

Совсем юные годы... Да, это удивительный факт, но оказывается, крестьянский парнишка Николай приписал себе два года, чтобы выглядеть взрослей, чтобы его взяли на военную службу. Несколько лет назад работники Архангельского архива разыскали старую метрическую книгу, в которой записано, что Николай Герасимович Кузнецов родился в 1904-м, а не в 1902 году. Значит, уже **в пятнадцать лет он стал матросом**, военным моряком, да и остался им на всю жизнь. Когда в 1955 году, он, решением Н. С. Хрущёва – тогдашнего всевластного руководителя правящей партии, был отстранён от службы во флоте, Н. Г. Кузнецов гордо заявляет: “От службы во флоте я отстранён, но отстранить меня от **службы флоту** – невозможно”. В этих словах заключён смысл жизни Н. Г. Кузнецова.

Он всегда был резким, прямым человеком. Никогда не орал на своих подчинённых, но мог сказать самому Сталину в лицо, когда Сталин в 1946 году ругал его в присутствии членов Политбюро за несогласие на раздел Балтийского флота: “Если я не подхожу, то прошу меня убрать!” Сталин посмотрел на него долгим тяжёлым взглядом и ответил: “Когда нужно будет – уберём”... Но даже Сталин не посмел “убрать” адмирала Кузнецова, таков был тогда, в послевоенные годы, авторитет этого флотоводца.

Служебная карьера Н. Г. Кузнецова складывалась удачно. После окончания Гражданской войны в 1922 году поступил в Военно-морское училище имени Фрунзе в Петрограде. Собственно, это был старейший, дореволюционный Морской корпус. Даже многие преподаватели, бывшие царские офицеры, преподавали всё так же там. Только ученики у них были уже иные – ребята из рабочих и крестьян. Николай Герасимович впоследствии вспоминал на страницах своих мемуаров, что каждому курсанту вручались тетрадки, на передней

обложке которых было напечатано стихотворение Демьяна Бедного, посвящённое новому, только что рождавшемуся тогда Красному флоту:

*Он молод, но уже зубаст,
И, если что, врагу он сдачи даст!
Нам Англия грозит, что ж, это нам не внове...
Учитесь, моряки, и будьте наготове!*

Но вот закончено училище, и по распределению молодой морской офицер служит на Черноморском флоте, которого, в общем, ещё и нет. Старые корабли были уведены белогвардейцами, после бегства Врангеля из Крыма, в иностранные порты, а новые только ещё начинали строиться. Н. Г. Кузнецов вступил к тому времени в ряды Коммунистической партии и, отличившись на службе, был направлен на учёбу в Военно-морскую академию им. К. Е. Ворошилова, которую и окончил в 1932 году. А через два года – он уже командир вновь построенного крейсера “Червона Украина” – флагмана нового Черноморского флота. И это, как мы теперь знаем, всего в 30 лет! Уже в 1935 году этот крейсер по боевой подготовке занял первое место. На крейсере часто любил бывать И. В. Сталин. Сохранились фотографии, запечатлевшие вождя на борту этого боевого корабля. Видимо, всё это и определило судьбу Н. Г. Кузнецова. Он был награждён в январе 1936 года орденом Красной Звезды, а в августе того же года – назначен военно-морским атташе и главным морским советником... думаете, в престижную и благополучную Америку или Англию? Нет, его направили на фронт боевых действий – в Испанию, где в то время разгоралась ожесточённая и кровопролитная гражданская война, нарастала интервенция фашистских держав – Италии и Германии. Первая схватка с фашизмом. Такова была награда в те годы – не сытое и спокойное “тёплое” место, а война, сражения, возможность погибнуть. Но и возможность совершенствовать боевое мастерство.

В Испании Н. Г. Кузнецов руководит советскими моряками-добровольцами, участвовавшими в героической борьбе испанского народа. Он приобретает немалый опыт, яснее и чётче представляет роль флота в войне, значение его готовности отразить внезапный удар противника, роль и значение взаимодействия родов и сил флота, совершенствования управления, важность обеспечения морских перевозок, необходимость воздушного прикрытия баз флота. Этот опыт Н. Г. Кузнецову очень пригодится перед началом Великой Отечественной войны, когда своей волей, вопреки настроению Сталина, он будет держать Военно-морской флот в постоянной боевой готовности и встретит коварного врага во всеоружии.

Борьба в Испании была проиграна. Советские добровольцы сделали всё, что могли, но, как говорили сами испанцы-республиканцы в то время: “Не то плохо, что Франко так близко от Мадрида, а то, что Россия так далеко от Испании”. Оказать действенную военную помощь далёкой Испании в то время было очень трудно.

В 1937 году, по возвращении из Испании, Н. Г. Кузнецова направляют на Дальний Восток, где он сначала заместитель, а с 1939 года – командующий Тихоокеанским флотом. В 35 лет – командующий флотом! Но для того поразительного времени это было неудивительно. Сталин, не доверявший “старым кадрам”, безжалостно “чистил” командный состав, и часто на их место приходили люди малообразованные, профаны в военном деле, что потом тяжело отозвалось в начале Великой Отечественной войны. Но были и иные примеры. Таким счастливым примером стал Н. Г. Кузнецов. В 1939 году его вызвал Сталин и назначил Народным комиссаром Военно-Морского флота СССР, Главкомандующим Военно-Морским флотом. Таким образом, Николай Герасимович Кузнецов за 20 лет своей службы из матросов достиг высших морских чинов.

В то время, по настоянию Сталина, на верфях СССР активно строился Большой флот. Строились огромные линкоры и броненосные крейсера. Но средств в стране не хватало. Сталин заявлял: “По копеечке соберём, а построим!” Однако ясно же, что по копеечке нельзя собрать миллиарды и миллиарды средств на столь амбициозные проекты. Н. Г. Кузнецов видел, что в условиях приближающейся войны с Германией, войны в основном сухопутной, расходовать огромные силы на строительство кораблей дальнего действия –

это только зря растрчивать промышленные мощности и металл, так нужный перед войной для наращивания танковых войск. Он, находясь на должности наркома ВМФ, конечно, не мог противостоять Сталину и волей-неволей соглашался с его программой, но, насколько возможно, проводил политику создания “малого”, но очень действенного в условиях прибрежной войны, войны во внутренних морях, флота. Это, прежде всего, подводные лодки и торпедные катера. Потом в ходе войны они и нанесли наибольший урон морским силам противника.

В начале лета 1941 года в войсках были разрешены отпуска, и тысячи командиров двинулись на черноморские курорты. Вспомните, где застала война командира Красной Армии политрука Синцова, героя романа Симонова “Живые и мёртвые”? – на курорте. Всё это обернулось потом катастрофическими потерями. Окружением и разгромом наших сухопутных войск в приграничных сражениях.

Не то во флоте! Во многом благодаря самостоятельности и разумной инициативе, и не в последнюю очередь личному мужеству Н. Г. Кузнецова, Военно-Морской флот за двое суток до начала Великой Отечественной войны был приведён в состояние боевой готовности. На всех наших флотах и флотилиях по указанию Н. Г. Кузнецова была объявлена боевая тревога – оперативная готовность № 1. Отменены были все отпуска. Так что приближающиеся армады немецких бомбардировщиков силы флота с первой же минуты встретили сплочённым огнём. Враг в первый же день, вернее сказать – в первую же ночь войны, стремился нанести удары по Севастополю, Кронштадту, Полярному, Измаилу, другим нашим военно-морским базам, но везде был бит с большими для себя потерями. А вот советский флот в первый день войны не потерял ни одного корабля, ни одного самолёта. Напротив, по предложению Н. Г. Кузнецова, черноморские лётчики бомбили нефтяные промыслы противника в Румынии. Впоследствии балтийские авиаторы подвергли бомбардировке фашистское логово – Берлин.

Благодаря умелой организации боевых действий Военно-Морской флот во все годы войны, на всех морских театрах надёжно прикрывал стратегические фланги сухопутных войск. Нигде они не подверглись удару с моря, враг за всё время войны не смог высадить на советское побережье ни одного десанта. Наш же флот осуществил на занятом врагом побережье более ста десантных операций.

Флот надёжно обеспечивал наши морские перевозки, бесстрашно действовал на коммуникациях врага. По достоверным данным, Германия (вместе с союзниками) от воздействия советского Военно-Морского флота потеряла 708 кораблей и вспомогательных судов и 791 транспорт. Свыше полумиллиона военных моряков героически сражались с врагом на суше. Они защищали Москву, Ленинград, Сталинград, Кавказ. А Одессу, Севастополь, Керчь, Новороссийск защищала Отдельная Приморская армия, в основном состоявшая из моряков. Люди в полосатых тельняшках оставили свои надписи на стенах рейхстага. “Флот до конца выполнил свой долг перед Родиной”, – так было сказано в Приказе Верховного Главнокомандующего от 22 июля 1945 года. В этом была большая заслуга адмирала флота Н. Г. Кузнецова (это звание ему было присвоено в 1944 году).

После победы над Германией, после участия в Ялтинской и Потсдамской конференциях Н. Г. Кузнецов отправился на Дальний Восток, чтобы, поступив под командование маршала А. М. Василевского, назначенного главнокомандующим всеми вооружёнными силами на Дальнем Востоке, вместе с сухопутными войсками громить самурайскую Японию.

Н. Г. Кузнецов прекрасно сработался с маршалом Василевским. Они были в чём-то похожи. Сам адмирал впоследствии вспоминал, что Александр Михайлович Василевский часто бывал на кораблях, пользовался огромным авторитетом у моряков, да и у всех военных. “Я никогда не слышал, чтобы он повышал голос или угрожал кому-нибудь строгими мерами наказания”, – писал Кузнецов о Василевском.

Со Сталиным у Н. Г. Кузнецова складывались гораздо более сложные отношения. Расскажу всё по порядку.

Однажды весенним днём 1946 года в кабинете наркома ВМФ зазвонил кремлёвский телефон. Николай Герасимович услышал в трубке хорошо знакомый глуховатый голос Сталина.

– Надо разделить Балтийский флот на два, – безапелляционно заявил вождь.

Предложение было неожиданным. Никаких оснований для раздела бое-способного флота не было. Это могло нанести ущерб его боеспособности. Но сразу возражать Сталину адмирал не стал.

– Разрешите подумать, товарищ Сталин...

Сталин в раздражении кинул трубку на рычаг телефона.

Гроза надвигалась. Не получив согласия Кузнецова на раздел флота, Сталин поручил Анастасу Микояну, в то время заместителю Председателя Совмина СССР, организовать мнение адмиралов, созвать военно-морской совет, направив на него членов политбюро А. Микояна и А. Жданова. Но даже их присутствие не помогло. Все члены совета, все адмиралы, кроме адмирала Исакова, “воздержавшегося” (на него сильно давили), признали нецелесообразным разделять Балтийский флот на два. Это была настоящая “фронда” адмиралов! Вызванный на следующий день в Кремль Н. Г. Кузнецов доложил Сталину отказ военно-морского совета исполнять его приказ.

Чем же расплатились адмиралы за такой бунт?

На Н. Г. Кузнецова было заведено уголовное дело о том, что он и его сослуживцы адмиралы якобы передали англичанам чертежи высотной парашютной торпеды. Это состряпанное обвинение тогдашний нарком обороны Булганин поспешил доложить Сталину.

“Как следствие того, при помощи Булганина я был в 1948 году отдан под суд Военной коллегии Верховного суда и разжалован до контр-адмирала. С печалью ещё раз вспоминаю этот крутой поворот главным образом потому, что три адмирала, кроме меня, понесли суровые наказания и были посажены в тюрьму. Меня “освободили” от суда. Сталин послал меня в Хабаровск заместителем главкома по Дальнему Востоку к Малиновскому”, – так писал впоследствии Н. Г. Кузнецов, вспоминая эту печальную историю. Я же подчеркну, что даже у Сталина не поднялась рука убрать прославленного флотоводца. Он был лишь понижен в звании, да и то ненадолго.

Тяжелой оказалась судьба товарищей Н. Г. Кузнецова адмиралов Алафузова Владимира Антоновича, Галлера Льва Михайловича, Степанова Георгия Андреевича. Они прошли через тюрьмы и лагеря. Л. М. Галлер скончался в тюрьме, не дождавшись свободы.

Н. Г. Кузнецов, не боясь гнева вождя, писал ему настоятельные письма с просьбой хоть как-то облегчить участь несправедливо осуждённых. Сталин отмалчивался, хотя обойтись без Н. Г. Кузнецова он не мог – летом 1951 года он вновь назначил его на высшую морскую должность – министром ВМФ СССР. Только после смерти Сталина адмиралов реабилитировали, и они вышли на свободу 11 мая 1953 года.

Но если Сталин понимал, как важен Н. Г. Кузнецов для флота, то другой “крупный специалист”, а именно Н. С. Хрущёв, просто боялся Кузнецова. Ведь Н. Г. Кузнецов мог открыто, в лицо высказать Хрущёву всё, что он о нём и о его дилетантской военной политике думает. А Хрущёв, между тем, не осознавал, что после великой Победы СССР во Второй мировой войне, да ещё в условиях обострившегося противостояния с империалистическими державами, Советскому Союзу теперь стал необходим Большой флот. Да, ситуация поменялась. Н. Г. Кузнецов это ясно почувствовал. Теперь, чтобы противостоять вероятному “атлантическому” противнику, нужны были уже не миллионные пехотные армии, а высокие технологии, современные большие корабли, ракетные крейсера и авианосцы, способные контролировать океанские просторы, несущие мощное современное вооружение. А Хрущёв этого не понимал, дилетантски считая, что большие корабли будут лишь хорошими мишенями для противника. Но мы видим в наше время, как США, оперируя своим гигантским флотом, контролируют, по сути, весь мир. Н. Г. Кузнецов, в отличие от узколобых партийных руководителей, смотрел на десятилетия вперёд. В трудных спорах о будущем флота он заработал себе в мае 1955 года тяжёлый инфаркт и слёг надолго в постель. Тогда он и подал (это было 27 июня 1955 года) свой первый рапорт об отставке, оставшийся без ответа.

Не успел он оправиться от инфаркта, как 29 октября 1955 года в Севастопольской бухте итальянскими боевыми пловцами (эта версия теперь наиболее очевидна) был подорван и пошёл ко дну линкор “Новороссийск”, бывший итальянский корабль, доставшийся СССР в счёт репараций от побеждённого про-

тивника. Ответственность за эту катастрофу была возложена Хрущёвым... ну, конечно, на Н. Г. Кузнецова.

Вот так и случилось, что, будучи удостоен в марте 1955 года высокого звания адмирала флота Советского Союза, Н. Г. Кузнецов уже в феврале 1956 года лишился этого звания и в чине вице-адмирала уволен в запас. Ему в то время было только 52 года, но он уже перенёс тяжёлую болезнь — нелегко всё время находиться рядом с сильными мира сего, самому постоянно нести огромный груз ответственности за страну, за флот, за людей. Находясь на высшем морском посту более шестнадцати лет, выдающийся флотоводец сделал всё, что от него зависело, чтобы его Родина была великой, могучей военной державой и никогда не склоняла свою голову перед врагом.

Заканчивая свой небольшой очерк, я хотел бы вспомнить о моих личных встречах с Николаем Герасимовичем Кузнецовым, когда он, находясь в отставке, работал над книгами своих воспоминаний. Сколько труда, сколько мужества потребовалось затратить Николаю Герасимовичу, чтобы написать книги “Накануне” (М., 1966), “На флотах боевая тревога” (М., 1972), “На далёком меридиане” (М., 1971), “Курсом к победе” (М., 1975). К великому сожалению, Воениздат не издал ни одной книги о самом Н. Г. Кузнецове. Это долг перед памятью великого флотоводца.

По свидетельству родных, работал он ежедневно и много. Ранним утром из его комнаты доносился бодрый стук пишущей машинки. Мне, бывшему редактору “Военно-исторического журнала”, известно и другое: Николай Герасимович писал сам, никогда не прибегал к услугам “литобработчиков”, наёмных писателей и журналистов. Потому книги его дышат реальной, не придуманной жизнью, насыщены живыми подробностями, читаются с большим интересом. Жалко, они давно не переиздавались, да это и не удивительно, ведь в девяностые годы наш флот, к сожалению, понёс огромные потери. Сколько судов было разрезано на металлолом, продано на утиль иностранным фирмам. Соответственным было и отношение к исторической памяти... Хорошо, что сейчас многое меняется к лучшему. Надо понимать и осознавать, что такая личность, как Н. Г. Кузнецов, — уникальна. Она сродни личностям адмиралов Ушакова и Нахимова, Лазарева и Макарова. Он — из их ряда. И достоин такой же исторической славы.

Сам он придавал огромное значение пропаганде истории флота. Именно по его инициативе были сняты известные исторические фильмы об адмирале Ушакове и о подвиге “Варяга”. Кстати, не забудем, что в 1954 году в СССР был широко отмечено пятидесятилетие подвига “Варяга”. Был снят фильм о подвиге, где роль крейсера “Варяг” сыграл крейсер “Аврора”, а роль капитана “Варяга” Всеволода Федоровича Руднева исполнил известный артист Ливанов. Интересно, что для этих съёмок, впервые после революции, на крейсере “Аврора” был поднят Андреевский флаг. Оставшиеся к тому времени в живых матросы крейсера “Варяг” были в торжественной обстановке награждены советскими орденами и медалями. Это происходило в тот период, когда Военно-Морским флотом СССР командовал Н. Г. Кузнецов. Не случайно.

Где теперь этот фильм? Почему наше телевидение ни разу не удосужилось показать его, даже когда отмечался 100-летний юбилей “Варяга” в 2004 году?

Написал я эти строки и подумал: а почему бы не создать фильм, посвящённый самому Н. Г. Кузнецову? Это был бы интереснейший фильм о достойнейшем Человеке, о талантливом флотоводце нашего времени. Он достоин и написания книг, и постановки фильмов.

Но вернусь к моим встречам с адмиралом. К Кузнецову у меня было особо почтительное отношение. Я уже вспоминал тот 1947 год, когда адмирал флота приезжал к нам в Ленинград, вручал выпускникам кортики и дипломы. А позже были встречи с ним и с другими адмиралами, авторами “Военно-исторического журнала”. Николай Герасимович лично приезжал ко мне в редакцию. Вместе мы решали вопросы относительно подготовки статей. Н. Г. Кузнецова я никогда не посмел бы называть по имени и отчеству. С почтением и уважением произносил при обращении “товарищ адмирал”. Разговоров на темы, не касающиеся истории флота, я не заводил — считал неэтичным. Не задавал даже вопрос — почему он свои материалы подписывает “Герой Советского Союза Н. Кузнецов”, никогда не указывая своего воинского звания — вице-адмирал, с которым был уволен в запас. Это было понятно: его подлинное звание — “Адмирал Флота Советского Союза”, и он всегда считал себя таковым.

Сохранились у меня письма адмирала. Смотрю сейчас на конверты. Чёткий, разборчивый почерк. Говорят, по почерку можно узнать характер человека. Пожалуй, это так. Вспоминаю последнюю встречу с Н. Г. Кузнецовым. Было это в конце ноября 1974 года. Его шофёр позвонил мне по телефону.

– Николай Герасимович просит вас выйти, – сказал он.

Немедля я спустился из редакции к его машине. Николай Герасимович был, как всегда подтянут, спокоен. Хотя известно было, что он тяжело болен. Душевная теплота исходила из его глаз.

– Работаю над статьёй, – говорил он, – дело идёт. Собираюсь в санаторий. Там и намерен закончить этот материал. А до санатория решил обследоваться в больнице. Позвоните мне в больницу, уточним некоторые детали.

Не знал я тогда, что это будет мой последний разговор с адмиралом. Через несколько дней я встретил своего друга капитана 1-го ранга Б. С. Банникова, и он печально сказал мне:

– Умер Николай Герасимович Кузнецов, делали операцию на почке, он не перенёс, скончался.

Что-то оборвалось в моей груди...

Хоронили Николая Герасимовича на Новодевичьем кладбище. Кажется, весь флот был в глубоком трауре, а не только пришедшие его проводить кадровые адмиралы и офицеры. Кто в форме, кто в гражданской одежде. Некоторое время спустя на могиле был установлен скромный памятник из плит чёрного мрамора, которые символизируют морскую волну. На памятнике сделали надпись: “Народный комиссар, министр, главнокомандующий Военно-Морским Флотом в 1939–1956 гг.”

Звание тогда не было указано. Только через четырнадцать лет по справедливости дописали: “Адмирал Флота Советского Союза”. Спустя 32 года восторжествовала справедливость!

Но самое высокое звание Н. Г. Кузнецова – Человек, Человек с заглавной буквы.